

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 11

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2021

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию Института философии

- А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов** – Институт философии как учреждение
и общественный институт..... 5
- Институту философии РАН - от философского факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова: поздравление с юбилеем..... 22

Философия, культура, общество

- Д.П. Козолупенко** – Казус Шерешевского как предельный случай гипермнезии:
гипер-человеческое или уход от человеческого в сфере памяти?..... 23

Современный антропологический кризис: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола»)

- В.Е. Лепский** – Субъектно-ориентированный подход к анализу кризиса
техногенной цивилизации..... 35
- И.А. Герасимова** – Проблема личности в сапиозе..... 39
- М.Р. Бургете Аяла** – Взгляд на начало пути..... 43
- Л.П. Киященко** – Преобразующая роль кризиса
в контексте современных антропологических проблем..... 47
- В.М. Розин** – Человек в контексте перехода от техногенной цивилизации
к посткультуре (заметки методолога и культуролога)..... 51

Философия, наука, общество

- А.Л. Никифоров** – Что такое научный прогресс?..... 56

О.Е. Столярова – Можем ли мы надеяться на прогресс в понимании «прогресса»?.....	63
А.А. Аргамакова – Социологический скептицизм в отношении научного прогресса.....	70
И.Т. Касавин – Миф науки как источник прогресса.....	76
А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш – Парадокс научного прогресса в эволюционном измерении.....	83
Е.В. Вострикова, П.С. Куслий – Научный прогресс и его враги: случай академического словоблудия.....	95
А.В. Вдовиченко – Классическая и коммуникативная модели знака в интерпретации парадокса Греллинга – Нельсона. Часть I.....	108

Из истории отечественной философской мысли

А.А. Ермичёв – Идеолог Ю.Н. Говоруха-Отрок и философ Н.Я. Грот: полемика 1890–1891 гг.	123
В.К. Кантор – Русская эмиграция и США. Ф.А. Степун и М.М. Карпович (предисловие к публикации писем Ф.А. Степуна М.М. Карповичу).....	138
Ф.А. Степун – Письма М.М. Карповичу.....	144
И.Д. Осипов, А.Е. Рыбас – Наука как путь к творчеству: к истории философских дискуссий в ЛГУ в 1950–1960-е годы.....	147
Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков, М.И. Фролова – Жить и умереть. Вступительное слово академика И.Т. Фролова на открытии конференции, посвященной проблемам жизни и смерти (Москва, 1993 г.). Предисловие к публикации.....	157
И.Т. Фролов – Жить и умереть. Публикация Г.Л. Белкиной, С.Н. Корсакова, М.И. Фроловой.....	163

История философии

Г.В. Лобастов – Об уме. Восходя к Николаю Кузанскому.....	167
И.И. Блауберг – От Бергсона к Томасу Манну: опыт времени в романе «Волшебная гора».....	177
Г.Т. Кабулнязова – Компаративный анализ представлений Джалаладдина Руми, Анри Бергсона и Шри Ауробиндо Гхоша об интуиции и духовной любви.....	188

Из редакционной почты

Л.М. Люкс – Польский поэт Александр Ват о тоталитарных соблазнах и о России как «двуликом Янусе».....	198
--	-----

Научная жизнь

О.Т. Ермишин – Морфология и интуитивизм (по материалам архива В.Н. Ильина).....	209
Е.С. Зотова – Энгельс – XXI (о международном форуме).....	215

Критика и библиография

М.Е. Соболева – ВИТГЕНШТЕЙН Л. Zettel. Заметки / Пер. В. Анашвили.....	220
Contents.....	222

К 100-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ

**Институт философии
как учреждение и общественный институт**

© 2021 г. А.А. Гусейнов^{1*}, А.В. Смирнов^{2**}

^{1,2} *Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

* *E-mail: guseynovck@mail.ru*

** *E-mail: asmirnov@iph.ras.ru*

Поступила 08.09.2021

В статье рассмотрена столетняя история Института философии Российской академии наук (ИФ) как государственного учреждения и особого социального института, показано, как он складывался в качестве исследовательского коллектива, способного охватить всю философию в ее дисциплинарном и идейном многообразии. Прослежена история систематизации философского знания в энциклопедической форме: первоначальный замысел Г.Г. Шпета (начало 1920-х гг.) сфокусировать усилия на вопросе «Что такое философия?»; проект исторического рассмотрения философии в свете материалистической диалектики как ее вершины (1928–1930); частично реализованный план конца 1930-х – начала 1940-х гг. написания семитомной всемирной истории философии; «Философская энциклопедия» в пяти томах (1960–1970); «Новая философская энциклопедия» (2000–2001 гг.) в четырех томах. В статье показано противоречивое взаимодействие задач исследования философии и ее развития. В истории ИФ выделены этапы: догматизм 1930–1940-х гг., гуманистический поворот середины 1950-х гг., отказ от монополии марксистской философии, плюрализм постсоветской философии. Современная ситуация поставила под сомнение привычные представления о том, что такое человек. Вызовы со стороны наук о мозге и когнитивных наук выдвигают на первый план новое понимание сознания и разума, что создает для ИФ общее поле исследовательской деятельности, а для его сотрудников захватывающие творческие перспективы.

Ключевые слова: Институт философии, социальный институт, всемирная философская энциклопедия, идеология, шестидесятники, философский плюрализм, разум, науки о мозге, когнитивные науки, универсализм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-11-5-21

Цитирование: *Гусейнов А.А., Смирнов А.В.* Институт философии как учреждение и общественный институт // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 5–21.

Institute of Philosophy as a State Organization and Social Institution

© 2021 Abdusalam A. Guseynov^{1*}, Andrey V. Smirnov^{2**}

^{1,2} *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

* *E-mail: guseynovck@mail.ru*

** *E-mail: asmirnov@iph.ras.ru*

Received 08.09.2021

The article examines the 100-year history of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IF) as a state organization and a special social institution. It traces the history of systematization of philosophical knowledge in an encyclopedic form: the initial plan (early 1920s) of G.G. Shpet to focus efforts on the question “What is philosophy?”; the project of the historical study of philosophy in the light of materialistic dialectics as its pinnacle (1928–1930); a partly realized plan (late 1930 – early 1940) of writing a 7-volume world history of philosophy; “Philosophical Encyclopedia” in 5 volumes (1960–1970); “New Philosophical Encyclopedia” (2000–2001) in 4 volumes. The article shows the contradictory interaction of the tasks of the study of philosophy and its development. In the history of IF, the following stages are highlighted: the dogmatism of 1930–1940, the humanistic turn of the mid-1950s, rejection of the monopoly of Marxist philosophy, pluralism of post-Soviet philosophy. The contemporary situation has put into question the traditional beliefs what a human being is. The challenges from the brain and cognitive sciences highlight a new understanding of consciousness and reason, which creates a common field of research for the IF and exciting creative perspectives for its staff.

Keywords: Institute of Philosophy, social institution, Encyclopedia of Philosophy, ideology, The Sixtiers, philosophical pluralism, reason, Brain Sciences, Cognitive Sciences, universalism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-11-5-21

Citation: Guseynov, Abdusalam A., Smirnov, Andrey V. (2021) “Institute of Philosophy as a State Organization and Social Institution”, *Voprosy filosofii*, Vol. 11, (2021), pp. 5–21.

1. Почему 100 лет?

Институту философии РАН в этом году исполняется 100 лет. В связи с этим возникает первый вопрос: почему 100 лет, если всего два года назад отмечалось его 90-летие? Чтобы ответить на него, надо уточнить, юбилей чего мы празднуем – определенного эмпирического учреждения (юридического лица), именуемого Институтом философии (ИФ), или чего-то другого, хотя и столь же определенного и эмпирического, но, тем не менее, более фундаментального явления, а именно специфического социального (государственного) института под тем же названием. Как учреждение ИФ в зависимости от ведомственной принадлежности свое название менял по крайней мере четырежды, последний раз в 2014 г. в связи с созданием особого правительственного органа управления наукой, и ныне он именуется «Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук». Нельзя сказать, что это были чисто внешние изменения: они каждый раз влияли

и на количественный состав сотрудников, и на характер деятельности. Так, например, в связи с переходом ИФ из АН СССР в РАН его численный состав уменьшился почти вдвое, а в связи с его прямым подчинением правительственным структурам после реформы науки в 2013 г. основными отчетными единицами стали не новые идеи и фундаментальные исследования, а количественные показатели статей. Само же учреждение как фиксированная и контролируемая организация работников с дирекцией, отделом кадров, юридическим адресом и т.п. с одним и тем же узнаваемым обозначением ИФ оставалось тем же самым и в своем непрерывном развитии восходило к 1929 г., когда оно постановлением Президиума ЦИК СССР возникло в составе Коммунистической академии. Если придерживаться бюрократических канонов, подобно тому, например, как при определении семейного статуса индивидов принято руководствоваться данными записей актов гражданского состояния, то отсчет надо вести именно от этой даты. Такова была сложившаяся традиция, которой Институт следовал, хотя ради истины надо заметить, что уже в юбилейном буклете к 80-летию ИФ особо подчеркивалось, что ИФ «вырос из созданного в 1921 г. Института научной философии», а на конференции по случаю 90-летнего юбилея этому вопросу был посвящен специальный доклад. Между этими организациями существует также определенная формальная связь: Институт научной философии (ИНФ) и существовавшая с 1927 г. наряду с ним философская секция Коммунистической академии в 1929 г. (к этому времени составы их научных сотрудников во многом уже совпадали), соединившись, образовали тот самый, наш сегодняшний, ИФ, о котором идет речь; его директором стал академик А.М. Деборин, возглавлявший и обе организации, из слияния которых возник ИФ. Говоря о генетической связи ИНФ и ИФ, можно сказать, что ИНФ расширился до ИФ.

Новая хронология ИФ была принята его Ученым советом после детального и всестороннего обсуждения. Решающими здесь были два соображения. Во-первых, результаты многолетнего документального и конкретного, доведенного до точных дат и имен, исследования доктора философских наук С.Н. Корсакова, посвященного возникновению ИФ и его истории [Корсаков 2019]. Они показывают наличие прямой преемственной связи ИФ с двумя предшествующими исследовательскими философскими институтами (ИНФ и секцией философии Коммунистической академии), путем слияния которых он возник. Во-вторых, новый взгляд на развитие философии России XX в., который начался складываться еще на исходе перестройки (см.: [Лекторский (ред.) 1998]) и сложился, стал к настоящему времени преобладающим в философском сообществе, в частности, воплотился в двух многотомных сериях, посвященных выдающимся философам прошедшего столетия [Лекторский (ред.) 2009–2010, Пружинин 2012–2021]. Этот взгляд заключается в общем пафосе, согласно которому при всех идейных, идеологических противостояниях и разрывах, которыми пронизаны философские учения, при всех персональных размежеваниях и трагических ситуациях, которыми отмечены личные судьбы самих философов, речь идет о разных частях (аспектах) единой национальной истории в один из самых драматичных ее периодов, а именно о философии России XX в. Принимая свое ответственное решение, Ученый совет ИФ учитывал, что, разумеется, речь идет также об истории учреждения, но это не было единственным и даже основным аргументом. Более существенным был вопрос об истории ИФ как социального (публичного) института, его ответственности за состояние философии как особой сферы профессиональной деятельности в рамках сложившегося в современном обществе разделения труда.

2. Философия как общественный институт

ИФ является государственным научным, исследовательским учреждением в области философии – не образовательным, а именно научно-исследовательским. Сферой его ответственности является философское знание, рассмотренное само по себе, именно как знание, в отличие от его места в образовании (здесь мы оставляем в стороне

отнодью не тривиальный вопрос о том, в какой мере возможно и возможно ли вообще производство философского знания вне обучения ему). Наличие такого учреждения означает, что философия признаётся в качестве законной и общественно значимой сферы деятельности, и государство нуждается в профессионально компетентных рекомендациях по поддержанию и регулированию этой деятельности. ИФ как государственный институт является необходимым звеном, опосредует участие философии в обмене деятельностями между разными разделенными сферами труда. Он должен предлагать философские знания такого качества и в такой форме, чтобы ими могли бы пользоваться представители других сфер деятельности, которые нуждаются в них, но в силу специализации не могут производить (разобраться) сами. Говоря о столетней хронологии ИФ, мы должны в первую очередь иметь в виду его историю как государственного (социального, общественного) института. Это уже не вопрос о содержании философии, ее идеях, а о том, как она в качестве профессиональной деятельности включена в дифференцированную систему общественных отношений.

ИФ появился как ИНФ в рамках системы новых, возникших в 1918–1922 гг. элитных учебных и научных учреждений советской власти, задача которых заключалась в том, чтобы поставить идеологическую жизнь и всё духовное производство в стране на основу марксистско-ленинской теории. Данной задаче придавалось первостепенное значение, так как само новое общество мыслилось как воплощение этой, как считалось, единственно верной теории. ИНФ был создан в 1921 г. в рамках системы гуманитарных институтов при МГУ, которые были в 1924 г. объединены в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Он выполнял как исследовательские, так и педагогические функции, при этом первые были отдельно выделены, прописаны и считались основными. Его задача состояла в том, чтобы разработать научную философию. Так начался

новый этап в развитии отечественной философии как профессионального занятия и социального института. К этому времени уже перестали существовать сложившиеся в России общественные организации, в частности Московское психологическое общество (1885–1918), Петербургское религиозно-философское общество (1907–1917), которые были публичными площадками научной работы и публичных дискуссий в области философии, закрылся (на своем 142-м номере) профессиональный журнал «Вопросы философии и психологии» (1889–1918); стали формироваться уже другие, выдержанные в привычной традиции самостоятельные объединения, такие как в Москве «Вольная академия духовной культуры» (1918–1923), созданная Н.А. Бердяевым с целью всестороннего изучения духовной культуры, в Петрограде – «Вольная философская ассоциация» (1919–1924), учрежденная группой представителей интеллигенции (среди них А. Белый, Р.В. Иванов-Разумник, А. Блок, В. Мейерхольд и др.), жаждавшей наряду с политической революцией также духовной революции [Гусейнов 2021, 83].

ИНФ отличался от этих предшествовавших ему и, следует отметить, вполне традиционных для европейской публичной жизни профессиональных философских объединений двумя признаками. Во-первых, это была государственная институция, созданная соответствующим правительственным органом и вписанная в структуру бюрократической дисциплины. Во-вторых, его задача состояла не просто в исследовании философии, а в разработке именно научной, следовательно, как это принято в науке, единственной, правильной философии. Тем самым признавалось, что философия является делом, которое касается всего общества и от правильной постановки которого зависит его благо. Поэтому она должна стать делом государства.

В такой постановке вопроса, которая поднимает философию на уровень высших государственных задач и ставит целью строить общественную жизнь по канонам научной философии, заложено объяснение всех противоречий и перипетий советской философии, ее плюсов и минусов, неожиданных прорывов и провалов, всех ее (воспользуемся этим знаменитым парадоксом Александра Зиновьева) «зияющих высот».

Философия как область интеллектуального творчества и философия как общественный институт суть два аспекта философского дела (занятия, профессии), которые неизбежно приводят в реальном опыте человеческой жизнедеятельности к противоречиям и конфликтам: в первом случае философия рассматривается в личной перспективе, речь идет о взглядах философов и степени их истинности, во втором случае философия рассматривается в социальной перспективе, с точки зрения ее места в обществе и нужности (полезности) для него. Уже греческая Античность, которая дала нам замечательные образцы едва ли не всех философских учений и одновременно продемонстрировала и всю палитру общественных санкций (торжественных чествований, изгнаний, рабства, убийств) по отношению к философам, свидетельствует об этом противоречии, а Аристофан в знаменитой комедии «Продажа жизней» на свой манер осмыслил его. С возникновением открытой государственной опеки над философским творчеством оно приобрело резкие и систематические формы. В частности, если философское дело становится государственным делом, то перестает ли оно быть делом свободным – добровольным, самодеятельным, частным? Если философия берется под контроль в качестве необходимого профессионального труда, то остается ли она делом индивидуальным и творческим? Если на оба этих вопроса отвечать утвердительно, как это нам подсказывает наша интуиция людей, причастных философии: да, свободные формы объединений и сугубо индивидуальный способ творчества неотъемлемы от философии как человеческого занятия, то чем же занимаются (должны заниматься) государственные (содержащиеся на деньги общества и предназначенные для его блага) философские научные учреждения? ИФ с самого начала сталкивался с этими вопросами и на каждом этапе по-своему пытался их решать, оставаясь в рамках обозначенного противоречия.

3. Исследование философии

Инициатором и первым директором ИФ был Густав Густавович Шпет, он же наметил первую программу его деятельности. Она состояла в том, чтобы разработать понимание научной философии в рамках серии научных докладов и их коллективных обсуждений. Сам он взял в качестве темы вопрос «Что такое философия?» с прицелом на создание словаря русских философских терминов, планировалось также создание специальной терминологической комиссии. Следует заметить, что идея словаря как компактной систематизации философского знания во всей его внутренне расчлененной полноте и идейном богатстве сопровождала ИФ на всех этапах исторического развития.

Энциклопедические словари в эпоху после книгопечатания и перехода от полуобразованного состояния сословного общества к образованному буржуазно-демократическому обществу стали важными факторами национальной консолидации. Лейбниц, намечая планы своих академий как новых форм организации науки в новых условиях, когда наука становится залогом могущества государства, выдвигал задачу создания для каждой области знаний и профессий систематизирующих обобщений (инвентариев), способных стать надежными путеводителями в огромном, всё более увеличивающемся море книг, помогающих обществу осуществлять селекцию литературы по критерию научной надежности, чтобы полезные знания не терялись, хорошие книги не заменялись дурными. Для философии с ее разнообразием учений, усложненностью языка и широкой распространенностью дилетантизма в ней эта задача приобретает особую актуальность. Шпет привлек к работе в рамках вновь созданного института авторитетных специалистов И.А. Ильина, С.Л. Франка и др., сам стал исследовать развитие философии в России. Тем не менее идея коллективной работы над проблемой научной философии и создания словаря провалилась, сам Шпет вскоре (в начале 1923 г.) был освобожден от должности директора (перешел трудиться в Государственную академию художественных наук и возглавил там работу над другим словарем – Словарем художественной терминологии). По-видимому, это произошло из-за различия

в понимании философии и прежде всего из-за того, что с точки зрения новой власти научная философия могла быть только синонимом марксистской философии.

Идея философского словаря возникла вновь и в расширенном виде, когда в государственных учреждениях остались одни сторонники марксистской философии и они соединились для совместной научной деятельности в рамках ИФ. Даже в известном смысле совместная деятельность потребовалась именно для этой работы, и ИФ был создан под программу всемирной философии. Пять отделов предполагаемой энциклопедии стали секциями ИФ, ответственными за их подготовку: диалектический материализм, исторический материализм, диалектика естествознания, история философии, современная философия. К моменту создания ИФ была проделана огромная исследовательская и научно-организационная работа по подготовке энциклопедии, разработан развернутый план всех разделов, в первый год началась содержательное обсуждение тем и проблем; см.: [Корсаков 2010]. Однако вскоре избранная А.М. Дебориным линия в философии была подвергнута критике в Постановлении ЦК ВКП(б) от 25.01.1931 за отрыв от практики социалистического строительства и заклеяна как особый род отступления от марксизма под названием «меньшевистствующий идеализм», сам Деборин был снят с должности, и вскоре в том же году была закрыта программа создания энциклопедии.

Идея словаря (энциклопедии) привлекала не только тем, что позволяла охватить всё пространство философского знания. Она также ставила научную работу на прочную историко-философскую основу. Неудивительно, что следующим крупным проектом ИФ, выдержанным в том же направлении, отчасти заменившим всемирную энциклопедию, стало написание всеобщей истории философии с марксистской точки зрения [Александров 1941, 53]. Он предполагал написание семи томов: древняя и средневековая философия; философия Нового времени и Просвещения; немецкая классическая философия; возникновение и развитие марксистской философии; философия в СССР; буржуазная философия эпохи империализма; разработка диалектического материализма в трудах Ленина и Сталина. Были выпущены первые три вполне добротных тома, прозванных студентами «серой лошадью» – серой из-за цвета, лошадью из-за того, что вывозит на экзаменах. Третий из вышедших томов подвергся критике в Постановлении ЦК ВКП(б) 1944 г. «О недостатках и ошибках в освещении немецкой философии конца XVIII и XIX вв.», особенно ошибочным был признан не критический подход к философии Гегеля; см.: [Батыгин, Девятко 1993]. На этом проект оказался прерванным.

Идея энциклопедии получила новую жизнь и воплотилась в пятитомной «Философской энциклопедии» (1960–1970 гг.), которая стала выражением и источником существенных изменений в советской философии послесталинской эпохи. Она построена по алфавитному принципу, своими почти четырьмя с половиной тысячами статей охватывает содержание философии во всем возможном на том уровне предметном разнообразии, культурном и историческом богатстве. Она выдержана в духе марксистско-ленинской философии с учетом, однако, уже сложившихся к тому времени различий в ее понимании, а также с сознанием того убеждения, что ей принадлежит всё ценное в области философии, где бы и когда бы оно ни было высказано. Она отражала имеющийся в стране уровень философских знаний и в то же время значительно продвинула их вперед. Хотя вся работа формально находилась под идеологическим надзором, тем не менее реальная редакционная работа, которую вели авторитетные специалисты (А.Г. Спиркин, З.А. Каменский, Ю.Н. Давыдов, Ю.Н. Попов и др.), профессиональный уровень авторов (А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, Ю.А. Левада, С.С. Аверинцев и др.) и, самое главное, общая атмосфера духовного подъема в обществе придали ей во многом научно выдержанный, гуманистически ориентированный просветительский характер. «Философская энциклопедия», можно утверждать, отвечала интеллектуальным и мировоззренческим запросам общества, неслучайно ее тираж с 20 000 для первого тома возрос в три с лишним раза для последующих четырех томов.

Когда почти через 50 лет после выхода ее первого тома, на рубеже тысячелетия, ИФ вновь оказался перед задачей (теперь уже самому, без дополнительных бюрократических решений и санкций) задуматься над актуальным состоянием философского знания и предложить его энциклопедическое обобщение русскому миру, встал вопрос об отношении нового труда к пятитомной «Философской энциклопедии». Проблема состояла в следующем: создавать ли новый труд как ее второе издание? Такое решение могло означать, будто первое издание признаётся уже устаревшим; оно могло быть так истолковано особенно в свете распространенных нигилистических настроений по отношению к советской философии. Победила точка зрения, предложившая дать задуманному труду его собственное название и считать его не альтернативой «Философской энциклопедии», а другой энциклопедией, существующей наряду с ней. Так появилась «Новая философская энциклопедия» в четырех томах. Необходимость ее объяснялась не только требованием предложить свободный взгляд на философию, лишенный марксистской идеологической зашоренности, но и не менее важной потребностью обобщить знания, накопившиеся за эти десятилетия. «Новая философская энциклопедия» вышла в 2000 г. (вторым изданием в 2010 г.) почти восьмьютысячным тиражом, аудитория ее открытой для свободного доступа электронной версии измеряется миллионами. Она вошла в публичное пространство и закрепилась в нем без административного ресурса, если не считать, конечно, того, что она была отмечена Государственной премией Российской Федерации в области науки и технологий, и остается в нем на правах авторского произведения, подлежащего обсуждению и критике, как и любое другое академическое сочинение.

Сосредоточенность, своего рода заикленность ИФ на энциклопедической (систематизирующей, обобщающей) работе не является случайной. Она в значительной (но не в исчерпывающей!) мере определяет смысл (назначение) его существования как научного учреждения, опекаемого государством, – исследовать сам процесс философского знания во всем его возможном массиве, чтобы поддерживать интеллектуальный и общемировоззренческий уровень общества в той мере, в какой это зависит от философии. Идеальный ИФ должен был бы иметь такую совокупность специалистов (исследователей, знатоков), которые были бы способны проникнуть своими «щупами» (знаниями, методами, приемами) во все известные и неизвестные области философии. Увы, идеального ничего не бывает, но к нему, как говорится, надо стремиться: и если рассмотреть столетнюю историю нашего Института, то можно заметить, что он изменялся таким образом, чтобы и количественно (число научных сотрудников), и качественно (число секций, научных направлений) охватить всю философию в ее устоявшемся на каждый данный момент дисциплинарном и историческом многообразии. Энциклопедические опыты были вехами на этом пути, которые показывали как наши научные возможности, так и их неизбежную ограниченность. Ограниченность состоит не в том только, что поднять такое грандиозное дело, как обобщение всех знаний в области философии, которые накопило человечество, невозможно силами одного учреждения, каким бы большим и совершенным оно ни было, и обе энциклопедии делались, хотя и под эгидой ИФ, с широким участием авторов всей страны (в отдельных случаях даже из других стран). Более существенно, что энциклопедии устаревают вместе с развитием и ростом знаний, которые в них обобщаются. Поэтому работа над энциклопедическим обзором всемирной философии является одной из постоянных важных задач ИФ. Сейчас он, используя новые компьютерные возможности, предпринимает попытку создания постоянно развивающейся энциклопедии – Электронной философской энциклопедии.

4. Развитие философии

Наряду с задачей познания наличного, эмпирического историко-философского процесса, которая реализуется в энциклопедиях и других исследовательских трудах, посвященных отдельным темам, проблемам, именам, перед ИФ как учреждением

и общественным институтом стоит также задача развития философии. Общество в лице политиков, ученых, образованных людей пусть не в строгой, часто неопределенной и праздной форме, но, тем не менее, задается вопросом: «Что есть нового в нашей философии?» Оно не только хочет знать, что говорили философы прошлого и что говорят философы других стран, оно хочет также иметь и знать своих философов. Здесь, однако, возникает одна проблема, которая является вызовом для ИФ и создает его особое внутреннее напряжение. Развитие философии, как и сама философия, всегда есть индивидуальное дело.

Существует различие между философами, которые создают собственные философские учения, и работниками (специалистами), которые изучают (исследуют) философские учения, созданные другими, их тоже в широком обиходе принято называть философами, хотя на самом деле они являются научными сотрудниками и/или преподавателями философских учреждений. Это различие не является абсолютным, имеет разные степени, не исключает взаимных пересечений, переходов и т.д., но, тем не менее, существует. По крайней мере в двух пунктах оно является достаточно определенным и отчетливо обнаруживает себя в опыте ИФ. Это – различие между философией как научным познанием и философией как специфическим творчеством. Философия как познание, подобно другим конкретным областям знания, требует и формирует узких (неизбежно однобоких) специалистов, сложение результатов которых дает знание о философии в целом. Они нацелены на общезначимые, доказуемые результаты, являются авторитетами каждый в своей узкой области (теме, именах и т.п.). Наличие таких научных сотрудников является особенностью и критерием добротности ИФ как научно-исследовательского коллектива. Философия как творчество предполагает широкий взгляд на философию саму по себе и в целом, уверенное суждение по ее коренным вопросам. Она нацелена на собственное, отличающееся от взглядов прежних философов, индивидуализированное видение предмета, в том числе на свое (иное, чем это принято среди специалистов) видение конкретных вопросов истории и теории философии. Философы от научных сотрудников отличаются тем, что они не изучают (познают) философию, а создают (творят) ее. Наличие самостоятельных оригинальных философов является украшением и гордостью ИФ. Он долго и нелегко шел к праву на свободное философское творчество. На этом пути можно схематически выделить четыре этапа: начальный этап, сталинский догматизм, гуманистический поворот шестидесятников, постсоветская философия.

На начальном этапе решался вопрос о том, что считать научной философией. Вопрос не решился простым отождествлением научности с марксизмом и вытеснением (изгнанием) из легального поля представителей других философских школ. Оказалось, что вопрос отношения философии к марксизму сам оказался спорным: одни («пролеткультовцы») считали философию идеологией старого мира и как таковую чужеродной марксизму; другие («механисты») полагали, что в марксизме нет своей философии и он заменяет ее естественнонаучным материализмом; третьи («диалектики») исходили из того, что марксизм разработал собственную философию диалектического материализма, которая составляет одну из трех его неотъемлемых частей. Борьба между «механистами» и «диалектиками» составляла основное содержание подготовительного этапа ИФ, она завершилась победой идущей от Ленина точки зрения, что именно марксистская философия диалектического материализма является единственно научной и исследовательская философская работа заключается в том, чтобы под этим углом зрения рассмотреть всё, что в этой области было сделано.

Работа, рассматривавшая философию хотя и сквозь зауженный марксистский взгляд, но, тем не менее, как внутренне богатую, сложную и противоречивую систему знаний, была прервана в 1930–1931 гг., не успев толком начаться: она была подвергнута критике за отрыв от практики социалистического строительства, а ИФ был подвергнут репрессиям за ошибки, квалифицированные как «меньшевистствующий идеализм». Философия стала рассматриваться в качестве неотъемлемой части партийной идеологии, подвергнувшись для этого коренной трансформации: философия была сведена

к сумме точно сформулированных и легко усваиваемых общеобязательных догм, изложенных в сталинской работе «О диалектическом и историческом материализме»; она стала рассматриваться как важная часть партийной работы, ее сталинский «катехизис» вошел в «Краткий курс истории ВКП(б)» и решением ЦК ВКП (б) был провозглашен не допускающим «никаких произвольных толкований»; была создана разветвленная организационная и учебно-пропагандистская инфраструктура для внедрения этих догм в сознание масс; задача самих философов сводилась к тому, чтобы комментировать и пропагандировать предзаданные догмы, обосновывать их научность. История ИФ 1930–1940-х гг. – исключительно важный негативный опыт, показывающий, как вырождается и падает философия, когда она становится идеологией. О попытках сотрудников даже в этих условиях делать свое профессиональное дело, использовать даже малейшие из сохранившихся для этого возможностей, свидетельствует огромный мартиролог философов, подвергшихся в эти годы репрессиям; см.: [Корсаков 2009].

Вскоре после смерти Сталина в отечественной философии наметились изменения, которые можно обозначить как гуманистический поворот. Начало ему положили в 1954 г. два события на философском факультете Московского государственного университета, связанные с именами молодого ассистента Э.В. Ильенкова и аспиранта А.А. Зиновьева. Первый с В.И. Коровиковым написал тезисы «К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития» с обоснованием идеи, согласно которой философия является наукой о научном мышлении. Второй написал диссертацию «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале “Капитала” К. Маркса)», в которой тщательно и предметно исследовалась структура и механизм диалектического метода. Обсуждение тезисов прошло в противостоянии принятым догмам о предмете философии, завершилось их осуждением на Ученом совете факультета как антимарксистских, защита диссертации проходила несколько дней при необычном возбуждении собравшейся молодежи и острой полемике ее представителей со старой профессурой. В организационном плане всё закончилось тем, что оба возмутителя устоявшегося философского болота были изгнаны с факультета и нашли приют в ИФ. И уже здесь, в ИФ, положенное ими начало получило продолжение. Разрастаясь, словно снежный ком, оно превратилось в замечательное движение философского шестидесятничества; см.: [Гусейнов 2020].

Рассматривая философию шестидесятников как общественное явление, следует отметить две ее существенные особенности. Во-первых, сведя предмет философии к законам мышления (хотя само мышление они понимали по-разному), шестидесятники обосновывали роль разума как всеобщего пути к истине, его суверенность, а тем самым и право человека жить своим умом, критику культу личности вождей они подняли до критики государственного патернализма. Во-вторых, они возвращали себе ответственность за саму философию, оспаривая это право у партийных, государственных и иных авторитарных инстанций. Словом, они предъявляли обществу принципиально другой (недогматический!) образ и другое назначение философии. О том, насколько такая позиция соответствовала общественным настроениям, говорит такой эпизод из студенческой юности: однажды кто-то из сокурсников одного из авторов поставил в тупик и привел в раздражение своего (кстати, не самого ограниченного) доцента вопросом «Скажите, пожалуйста, а ЦК может ошибаться?». Сами шестидесятники сполна и в целом успешно воспользовались правом говорить от имени философии, которое они защищали, и выступили с оригинальными идеями. Это касалось не только Зиновьева и Ильенкова, ставших выдающимися мыслителями, но и многих других, чье творчество обобщено в научно-издательской серии «Философия России второй половины XX века». Это, если ограничиться только сотрудниками ИФ, – Г.С. Батищев, Б.М. Кедров, П.В. Копнин, М.К. Мамардашвили, Л.Н. Митрохин, В.А. Смирнов, И.Т. Фролов. В этот же ряд можно также поставить коллег, которых мы потеряли уже после завершения той серии и которые, будучи выдающимися шестидесятниками, пережили ту эпоху и плодотворно работали в новых условиях: В.В. Библихин, П.П. Гайденок, А.С. Карпенко, В.М. Межуев, Н.В. Мотрошилова, Т.И. Ойзерман,

А.П. Огурцов, В.А. Подорога, В.С. Стёпин, В.И. Толстых, С.С. Хоружий, Б.Г. Юдин. Осмысление их творчества входит в поле исследовательской деятельности ИФ, в частности, можно сослаться на серию «Философия во множественном числе» [Смирнов, Синеокая (сост.) 2020], посвященную новым идеям, рожденным в нашем Институте.

Говоря об оригинальных идеях (темах, подходах) советских философов-шестидесятников, следует иметь в виду, что речь идет о движении в рамках марксистской философии, которая оставалась единственным легальным полем философствования в стране. Философы-шестидесятники не были ни философскими, ни политическими диссидентами. Они предлагали свои идеи в развитие (обогащение, дополнение, уточнение, переосмысление и т.д.) марксистского учения и советского социалистического общества, проявляя лояльность им с разной степенью настойчивости, искренности и назойливости. Уже это создало принципиально новую среду по сравнению с предшествующим догматическим периодом своеобразного философского клерикализма. Если раньше философы-марксисты могли только ошибаться, отклоняясь от классических догм (все «ревизионизмы» в марксизме состояли именно в отклонениях), то теперь они могли развивать и дополнять марксистскую философию (кстати, объектом наиболее резкой критики и недовольства со стороны философского начальства была школа Ильенкова, который считал себя, и был, убежденным сторонником марксистско-ленинской философии и советского строя). Это создало в ИФ атмосферу, позволяющую сочетать профессиональную научную работу, требующую узких специалистов, с развитием философии, которая предполагает ярких и творчески самостоятельных личностей.

Такая атмосфера получила развитие в нынешний (четвертый) послесоветский период, когда была отменена монополия марксизма на философскую истину. Труднее всего говорить об актуальном состоянии философской мысли, о ее настоящем. И не только тогда, когда речь идет о стране или о более широких масштабах, но даже тогда, когда мы говорим о более обозримом предмете, таком как ИФ. Но если попытаться схватить то, что самым очевидным образом отличает сегодняшнюю жизнь ИФ от всех предыдущих отмеченных нами ее периодов, можно утверждать следующее: она в ее исследовательских и творческих аспектах развивается в свободной атмосфере, без каких-либо грубо деформирующих внешних воздействий. Философы (люди, научные сотрудники), собранные в ИФ, сами определяют свои идейные пристрастия и исследовательские занятия. Идеейные пристрастия отличаются большим разнообразием, связанным с разными философскими направлениями, школами (классическими системами, религиозной философией, аналитической линией, постмодернизмом и др.), в ряде случаев выступающими в форме собственных философских учений, иногда практикующими фактический эклектизм и т.д.; в этой философской разногласии свое (кажется, не самое уважаемое) место занимает и марксистская философия. Господствует убеждение, что именно плюрализм является адекватной формой развития философского знания.

Философский плюрализм, будучи благоприятной средой для развития философии в ИФ, представляет собой для последнего серьезный общественный вызов и исследовательскую проблему. Проблема состоит в следующем: не несет ли в себе плюрализм философии опасность фрагментации общественного сознания и потери цементирующих ее общих мировоззренческих ориентаций? Ведь плюрализм – это форма, в которой развивается философия, способ поиска и постижения философской истины, но не сама философская истина. У последней есть своя объективность, которая связана с жизнью народа и общества в определенную эпоху их исторического бытия. Это означает, что сколь бы многозначной в своих основаниях и учениях философия ни была, у нее всегда есть некий общий исторический знаменатель. Выявление этого знаменателя, соединение разных философских позиций в национальном диалоге для его осмысления – разве это не является одной из функций ИФ как общественного института?

5. Универсализм и тоталитарность европейского разума

Столетний юбилей Института философии – повод бросить взгляд назад, осмыслить прошлое. Это также повод посмотреть вперед, задуматься о современном состоянии философии и о тех вызовах, с которыми она сегодня сталкивается. Философия не придумывает себе занятий: забота философии и есть глубинная забота человека, общества и культуры. Вызовы, на которые философия отвечает, – не ее частные проблемы. Это – вопросы, затрагивающие основы нашего существования. И в этом смысле такие вызовы оказываются общей заботой людей. Это не значит, конечно, что философская работа доступна любому и не требует специальной подготовки и профессионализма. Наоборот. Но философия, в отличие от науки, не создает собственного мира идеальных объектов (при том что идеализация – метод, рожденный философией). Она работает с тем миром, который составляет ткань ежедневной жизни человека, общества и культуры. В этом – особое значение философии и ее особая ответственность.

Почти три века назад Иммануил Кант поставил свой знаменитый вопрос: что такое человек? Для Канта этот вопрос выступал как средоточие прочих, первостепенных и второстепенных вопросов, которыми интересуется философия. Сегодня этот вопрос приобрел особое значение. Он стал средоточием глубинных, жизненных вызовов, с которыми все мы столкнулись. Их суть – в том, что привычное, для многих само собой разумеющееся понимание того, что такое человек и каково его место в мире, не просто поставлено под сомнение. Оно поколеблено и едва ли не разрушено.

Понимание человека как разумного живого существа сыграло основополагающую, стержневую роль в становлении и развитии европейской мысли и духовности. Именно разумность, взятая прежде всего как способность к мысли и речи, то есть способность формировать и выражать свои мысли и воспринимать чужие мысли, способность взвешивать и принимать решение, легла в основу представления о человеке как центре мироздания. Поддержанное авраамическими верованиями в их разных вариантах, это представление принципиально выделяет человека из мира природы и мира творения, задает его двуспектность и как существа природного (тварного), подчиненного закону природы, и как существа, способного познать и применить закон природы (божественный Закон, данный творению), а значит, тем самым встать выше этого закона, выше природы и всего творения, стать чем-то, что уже не является только тварным или природным.

Способность *понимать* и *принимать решения* обеспечена разумностью. Это лежит в основании способности к общению и нравственности, которые, в свою очередь, делают человека общественным существом. Человеческое общество традиционно понималось как в корне отличное от сообществ, образуемых некоторыми насекомыми или животными, и это коренное отличие опознавалось именно как способность основывать свои действия не на инстинкте, а на разуме, а значит, во-первых, на осознании развилки, альтернатив действия (делать – не делать, делать так – делать иначе), и, во-вторых, волевого решения в пользу одного из возможных вариантов.

Так разумность возносила человека над природой. Но тем самым она и ставила его едва ли не полностью под свою власть. Человек овладевал природой благодаря своему разуму; но и разум овладевал человеком. Разум тоталитарен по самой своей природе, он не оставляет никакой лазейки неразумному. Иррациональное, неразумное вытесняется за пределы разума и ставится либо вне его, либо выше; но в любом случае иррациональное с точки зрения разума оказывается неправильным, не таким, каким нужно.

Попытки устроить жизнь на началах разумности предпринимались в европейской истории начиная с Античности. Этика добродетелей и государство Платона – известные примеры такого рода. Конечно, европейская мысль не раз восставала против культа разума и его претензий на абсолютную власть. И всё же всякий раз разум возвращал свои права, и даже в Средневековье, низведенный до степени служанки, он на деле овладел областью, из которой как будто был вытеснен: посредством разума, рафинированными рациональными методами доказывались истины откровения, и рациональная теология Европы по-своему утверждала всемогущество разума.

Разум потому оказался господином и властелином человека, что не знает исключений из собственных законов. Не человек диктует разуму законы, а разум диктует их человеку. Это стало настолько привычным, что не вызывает удивления; напротив, представляется не просто естественным, но и необходимым. Однако это означает, что человек не властен над собой. Значит, именно то, что делает человека человеком – его разумная способность, – человека поработывает; человек не может избавиться от этого рабства, потому что его делает человеком именно то, что его поработывает. Разум задает возможность свободного решения, поскольку только разум обеспечивает возможность понимания, анализа, вычленения развилок, вариантов, и лишь на основе этого возможен выбор и собственное решение в пользу того или иного варианта действий. Но тот же разум эту свободу отнимает, отрицая ее основу: если прошлое всегда детерминировано и если мысленное движение вдоль стрелы времени всегда возможно, то и любое событие в будущем (а не только в прошлом) причинно обусловлено, а свободный выбор – не более чем фикция. Эпохальный переход от мифологического мышления к логическому, создавший возможность современного человека, обозначен для Европы как присяга принципу достаточного основания. Если ничто в мире не происходит «просто так», без достаточного на то основания, то и свободный выбор человека детерминирован, а значит, не свободен.

Отметим две черты, существенные для традиционного понимания разума: иерархизм и универсализм. Разум занимает высшее место на лестнице познавательных способностей человека. Эти способности ранжированы от низшей, самой простой, по ступеням усложнения, и все вместе обслуживают высшую, разумную способность. Целостность сознания понимается как иерархическая соподчиненность познавательных способностей. Иерархия познавательных способностей, в которой только человек обладает высшей из них, имеет ясную параллель в иерархии сущего: человек только потому – высшее из сущего, центр картины мира, что только и именно он обладает разумом. Точно так же иерархия познавательных способностей и сущего находит свою параллель в иерархии культур. Когда гегелевскую концепцию философии истории критикуют как европоцентристскую, это может быть верно идеологически, но это никак не отменяет того, что такой взгляд обоснован всей системой представлений о человеке и мире, сложившейся в Европе за два с половиной тысячелетия ее духовного развития, и всерьез отказаться от него можно, лишь столь же всерьез отказавшись от этой системы представлений. И здесь европейский разум сполна проявляет свою тоталитарную природу, «подстраивая» под себя не только природу, человека и общество, но и всё богатство культур человечества.

Это напрямую связано со второй существенной чертой отмеченного понимания разума – универсализмом. Разум универсален не только в том смысле, что всё подчиняет себе и на всё накладывает печать своих законов, но и в том смысле, что подчиняет себе – сам себя. Разум не терпит альтернативы, причем не только в лице того, что объявляет себя стоящим вне или выше разума, но также – и тем более – в лице того, что объявляет себя *другим* разумом. Всё, что объявляет себя стоящим вне разума, неизбежно должно быть рационализировано – иначе об этом невозможно связно говорить и включить в ответственный дискурс. Таково требование рационально говорить об иррациональном. Но точно так же всё, что объявляет себя другим разумом, должно быть понято как вариант европейского разума – иначе об этом невозможно связно и ответственно рассуждать. Таково требование рационально говорить о другой рациональности. Европоцентризм идеологический – это одно, и выступать против него можно именно идеологически. А европоцентризм эпистемологический – совсем другое, и избавиться от него можно, только отказавшись от традиционного европейского понимания разума. Между тем первое обосновано вторым, и бунт против европоцентризма, опирающийся на европейский же разум, заранее обречен на фундаментальную неудачу. Об этом ясно свидетельствует вековая история попыток Запада освоить неевропейские философские традиции. Сравнительная философия, постколониальные исследования, межкультурная философия – основные вехи методологической эволюции

в этой области. Но ведь в любом случае задача заключается в том, чтобы включить осваиваемую традицию («материал») в западный философский дискурс («оформить» ее соответствующим образом), а значит, встроить содержание в систему европейской рациональности. Фундаментальный эпистемологический европоцентризм не может быть преодолен таким образом.

6. Новые вызовы

Бунт против разума и его всесия, если не сказать засилья, вспыхивал не раз в истории европейской философии. Он даже предшествовал отчетливой формулировке логики как органа: апории Зенона стали ярким примером такого бунта, не потерявшего значения до сих пор. Однако переживаемая нами сегодня ситуация позволяет говорить об особом моменте, отличном от прежних попыток поставить силу разума под сомнение. Сегодня сошлись в одной точке и традиционные, и новые вызовы. Это, соответственно, вызовы со стороны самой европейской философии и вызовы со стороны наук и неевропейских культур.

Европейским Возрождением и Просвещением было развито понимание человека как разумного субъекта, для которого прозрачен собственный разум и, шире, собственное сознание и который способен ответственно, то есть рационально, принимать решения и строить свои отношения с другими людьми. Марксизм и фрейдизм нанесли сокрушительные удары по этому представлению. Они обозначили факторы, существенно влияющие на сознание и поведение человека, если не определяющие для них, и – что самое главное – не подпадающие под влияние человека, а то и вовсе не осознаваемые им. Оказалось, что разум не просто не всемогущ, но и едва ли не бессилён. Странным образом после веков своего царствования разум, а вместе с ним и человек, оказались игрушками внеразумных стихий, как во времена веры в фатум или религиозных суеверий. И происходило это отнюдь не в эпоху упадка науки как разумного предприятия; напротив, наука и тогда, и сегодня продолжала и продолжает свое триумфальное шествие. Но как разум, создающий человека, его же подчиняет своей власти и обезчеловечивает, превращая в своего раба, так и наука, рожденная разумом, становится не просто продуктом разума, но его властелином. И эту власть науки над самим собой разум отменить не в состоянии, как человек не в состоянии отменить власть разума над собой.

Марксистский и фрейдистский проекты были только началом – не просто критики, а едва ли не отказа от разума в его современном понимании. Философия жизни и экзистенциализм утверждают чувственно-иррациональную стихию и даже абсурд как подлинное начало человека. Человек утрачивает свою природу, то есть свою устойчивость и определенность; вместо этого неустойчивость и вечная изменчивость, нефиксированность возводятся на пьедестал. Человек становится «проектом», никогда не законченным, а значит, не ставшим. Бунт против разума принимает форму бунта против законченности и формы; более того, против любой связности и гармонии. Этим разумным началам более нет места в эстетике – в том, что теперь именуется «арт-практиками», но не «искусством». То, что называют «постмодернизмом», причудило наших современников – не только философов, но и всех людей, – не верить в «истину» и «норму», заменив их на необязательность «перспектив» и «интерпретаций». Клиповое умонастроение делает сегодня не только возможным, но и повсеместным то, что еще полвека назад было немислимым: аляповатость и бессвязность как общий камертон.

В этом океане философской и околофилософской критики и иррационального перформанса европейский разум сохраняет не так уж много территорий своей былой устойчивости. Но к этому добавляются новые вызовы со стороны наук, получивших бурное развитие за последние несколько десятков лет. Это прежде всего науки о мозге и когнитивные науки.

О том, что мозг связан с речевыми, двигательными и прочими функциями человека, было известно давно. Еще Ибн Сина зафиксировал устойчивую связь между повреждениями тех или иных отделов мозга и определенными расстройствами. Сегодня

нейронаука знает очень многое о человеческом мозге. Но наука лишь тогда наука, когда способна показать причинную зависимость. Установить такую зависимость между активностью нейронов и нашей внутренней жизнью, деятельностью нашего сознания, тем, что в философии называют «субъективной реальностью», – вот более чем амбициозная задача нейронауки, лозунг которой – «понять разум через исследование мозга». Если бы это было действительно возможно, мы должны были бы называть себя, по выражению Ламетри, «человеком-машиной». Редукция разума, и в целом сознания, к мозгу пока не удалась, более того, пока не предложено убедительных решений в этом направлении; однако ясно, что не за горами управление мозгом, а тем самым и поведением человека с помощью вживляемых чипов. Будет ли эта возможность использована во благо или во зло – другой вопрос. Но очевидно, что, даже если с теоретической точки зрения редукция сознания к мозгу невозможна, тем не менее «киборгизация» человека не может не приближать нас к «человеку-машине» Ламетри. Но приближать уже не теоретически, а практически. И это, конечно же, лишает разум его исключительного, царского места и его стержневой роли в конституировании человека. В данном случае, повторим, речь не о теоретических спорах; речь о технологиях, которые рано или поздно будут всем нам доступны, даны в ощущениях. Независимо от того, знаем мы или нет, что такое электрон, щелкать выключателем умеют все, и тем самым электрон давно уже стал частью нашей жизни. Точно так же механизация человека, вытесняющая его разумность, видимо, станет частью нашей жизни.

К сказанному добавим, что сегодня «носителем» сознания оказывается даже не мозг, а в целом тело человека. «Голова профессора Доуэля» невозможна: мозг как таковой, в отделенности от тела, не рождает сознания, во всяком случае такого, которое мы называем своим сознанием. Это можно трактовать как еще один шаг к «материализации» сознания и разума, его редукции к телесности.

Когнитивные науки вносят свою лепту: наши познавательные способности ориентированы не на открытие истины (идеальной, божественной сути вещей), а лишь на то, чтобы обеспечить конкурентные преимущества в жизненных ситуациях. Сама по себе эта идея не нова; новым в когнитивистике является то, что она убедительно прослеживает влияние «жизненных ситуаций» в их многообразии на формирование и функционирование наших познавательных способностей. Еще один шаг к тому, чтобы перестать считать разум определяющей чертой человека, началом начал: разум сам становится лишь звеном в длинной цепочке причин и следствий. Звеном, теперь уже не определяющим для человека: когнитивные функции в их многообразии свойственны и животным, и сегодня всё больше тех, кто считает, что нет никакого существенного свойства человека, отделяющего его от других живых существ и составляющего его самость.

Более того, наш познавательный аппарат определен не только возможностями мозга как нейросети огромной сложности, не только нашей телесностью и телесностью мира, но и культурой, к которой мы принадлежим. Когнитивные исследования весьма убедительно показывают, что не только отдельные понятия, но и их системы вовсе не служат выражением сути вещей или ситуаций, а порождены культурными практиками. Системы ориентации в пространстве и времени, системы родства и т.д. – всё это определено культурой, а не внешним миром как таковым.

7. Пересобрать философию

Такого массивного наступления на позиции философии в вопросе о разуме и познании не было, пожалуй, со времен европейского Средневековья. Различие в том, что тогда наступление велось извне философии и не затрагивало ее внутренних позиций, тогда как сегодня оно ведется изнутри философии и изнутри науки – квинтэссенции европейского разума. Эта ситуация вынуждает многих, если не большинство, философов капитулировать перед ошеломляющим наплывом научных данных и готовностью самой европейской философии пересмотреть свои позиции, если не отказаться от них.

Так оказывается разрушенной первая из неперменных характеристик традиционного понимания разума – иерархичность. Разум теперь – и не высшая (поскольку не он командует всем, а им командуют), и не отличительная способность человека.

Но и вторая существенная черта, универсализм, оказывается под сомнением. Философия пересматривает представление о самой себе как о единой и единственной традиции, имеющей единый исток в Древней Греции и переживающей линейное развитие. На Всемирном философском конгрессе в Пекине в 2018 г. на пленарных заседаниях всё настойчивее звучала мысль о том, что «всемирная философия» (world philosophy) – это нередуцируемое множество автохтонных традиций, укорененных прежде всего в собственной истории, разработавших собственные системы категорий, собственные картины мира и мировоззрение. Как выразился французский синолог Франсуа Жюльен, большие культурно-цивилизационные образования следуют разным «стратегиям смысла» (strategies du sens) [Жюльен 2001]. Ключевой вопрос, однако, в том, могут ли такие «стратегии смысла» быть поняты как системы разума, равносильные с европейской.

С одной стороны, сами западные философы критикуют «интеллектуальный колониализм» Европы, и «межкультурная философия» понимается многими как отказ от традиционной претензии Запада на единственность подлинного понимания разума. С другой стороны, представители незападных философских традиций системно и всерьез ставят вопрос о собственном, альтернативном европейскому разуме («арабский разум» М.А. аль-Джабири [Джабири 2009], «исламский разум» М. Аркуна [Гюнтер 2017] и др.). Отказ от интеллектуального колониализма Европы и разворачивание представлений о неевропейских разумах, воплотивших себя в ходе культурно-цивилизационного развития больших неевропейских цивилизаций, ставят под вопрос, если не требуют отказаться от традиционного, линейного понимания универсализма разума.

В этом – очень серьезный вызов для самой философии, но вместе с тем – возможность для нее вернуться к своим истокам, к своему предназначению. Ведь суть философии – в том, чтобы открывать подлинное *начало*: то, прежде всего ничего нет и что определяет всё остальное. Универсализм понимания разума, когда за инвариант берется тот его вариант, что открыт греками и развит Европой, скрывает и маскирует подлинное начало. Среди множества ответов, которые дала философия, много убедительных и важных, еще больше – изысканных и волнующих, но едва ли среди них найдется хотя бы один окончательный. В этом можно видеть особое изящество философии и залог ее неисчерпаемости, но это нельзя не расценить как свидетельство того, что философия еще не догадывается, где искать то, что заслуживает названия «начало».

Кризис всегда не только ставит под сомнение или разрушает, но и показывает новые пути, заставляет искать новые возможности. Будущее открыто, и не исключено, что именно то, что ставит под сомнение традиционное европейское понимание разума и человека, открывает на деле новые пути, гораздо более богатые по своим возможностям, нежели известный и уже пройденный путь.

Сегодня необходимо пересобрать понимание человека, и прежде всего – понимание сознания и разума. Пересобрать представление о человеке на основе принципа целостности, а не иерархии и линейности. Такое пересобирание – веление самой жизни, и философия не может оказаться в стороне от него.

Выполнить эту задачу можно, только пересобирая саму философию. Философия остается сегодня по большому счету не готовой к тому, чтобы оказаться на высоте современных вызовов и сохранить себя. Она, с одной стороны, в целом продолжает считать себя единой традицией, плюрализм которой встраивается в универсализм и одновариантность ее единого древнегреческого истока. Студенты-философы осваивают в университетах философию в единственном числе, когда и базовая логика, и базовые системы категорий представлены в единственно возможном варианте. Так понятий плюрализм – это плюрализм самой европейской философии, плюрализм философии единственного числа, но не плюрализм, расширяющий философию до множественного числа. С другой стороны, философия сегодня пасует перед мощью науки, вторгшейся в ее святая святых – в исследование сознания. Став в лице ряда своих современных

направлений, самым ярким из которых является аналитическая философия, служанкой науки, философия должна найти в себе силы, как это было в Средневековье, чтобы вернуть инициативу осмысления мысли. Этот двуспектный вызов требует от философии пререосмыслить саму себя, пересобрать себя на основе целостности, связывающей (а не репрессивно приводящей к единству) самоценные и самообоснованные варианты рациональности, представленные многообразием человеческого культурно-цивилизационного опыта в европейском и неевропейских вариантах. Ведь разрешение загадки сознания, и даже точное ее обозначение, вряд ли возможны без учета нередуцируемой множественности вариантов разворачивания сознания в опыте человечества.

Задача целостного пересобирания требует и от самой философии быть собранной. Оставаясь глубоко индивидуальным делом каждого, кто ею занимается, философия вместе с тем может выполнить задачу, которую ставит перед ней сегодняшняя ситуация, только собрав эти индивидуальные усилия в направлении своей цели. Институт философии РАН подходит к своему столетнему юбилею именно с таким настроением и такой нацеленностью. Этому служит система организации работы Института, прошедшая испытание временем. Неотменяемый индивидуальный аспект работы философа, без которого нет философии, обеспечен структурой секторов: здесь молодой сотрудник становится исследователем, а затем и мыслителем, впитывая десятилетиями создававшиеся традиции и приобщаясь к школе. Эти вертикальные линии роста связываются сквозными горизонтальными общеинститутскими большими проектами, открытыми для участия сотрудника любого сектора. Так возникает ткань общей философской работы, когда индивидуальные усилия и озарения каждого находят свой отклик и многократно усиливаются другими. Это – не «структура», а подвижная живая ткань, обладающая и необходимой устойчивостью, и нужной гибкостью.

Ссылки – References in Russian and Arabic

Александров 1941 – Александров Г.В. История философии // Вестник Академии наук СССР. 1941. № 4. С. 52–57.

Батыгин 1993 – Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 7. С. 628–639.

Гусейнов 2020 – Гусейнов А.А. Философия шестидесятников как общественное явление // Гусейнов А.А. Этика и культура. СПб.: СПбГУП, 2020. С. 176–195.

Гусейнов 2021 – Гусейнов А.А. Философия и общество: к столетию Института философии РАН (1921–2021) // Вестник РАН. 2021. № 8. С. 79–92.

Гюнтер 2017 – Гюнтер У. Мухаммад Аркун: к радикальному переосмыслению исламской интеллектуальной традиции // Исламская мысль: традиция и современность. 2017. № 2. С. 98–139.

Джабири 2009 – Ал-Джабири. Бунйат ал-акл ал-арабий: дираса тахлилийа накдийа ли-нузум ал-ма'рифат фи ас-сакафа ал-арабийа (Структура арабского разума: Критико-аналитическое исследование эпистем арабской культуры). 9-е изд. Байрут: Марказ дирасат ал-вахда ал-арабийа, 2009.

Жюльен 2001 – Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик? Стратегия смысла в Китае и Греции / Пер. В.Г. Лысенко. М.: Московский философский фонд, 2001.

Корсаков 2019 – Корсаков С.Н. Институт философии АН СССР (1920–1950-е годы): человеческая и интеллектуальная история // Торжественное заседание Ученого совета Института философии РАН. Москва, ИФ РАН, 18 апреля 2019 г. URL: https://iphras.ru/ucheniy_soviet_18_04.htm

Корсаков 2009 – Корсаков С.Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. М.: Прогресс-традиция, 2009. С. 95–195.

Корсаков 2010 – Корсаков С.Н. О первом преемнике «Философская энциклопедия» // Философский журнал. 2010. Т. 2 (5). С. 122–148.

Лекторский (ред.) 1998 – Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX века: в 2 кн. / Под ред. В.А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 1998.

Лекторский (ред.) 2009–2010 – Философия России второй половины XX века / Отв. ред. В.А. Лекторский. В 21 т. М.: Политическая энциклопедия, 2009–2010.

Пружинин (ред.) 2012–2021 – Философия России первой половины XX века / Отв. ред. Б.И. Пружинин. В 30 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012–2021 (продолжающееся издание).

References

- Aleksandrov, Georgy F. (1941) "History of Philosophy", *Vestnik Akademii nauk SSSR*, Vol. 4, pp. 52–57 (in Russian).
- Batygin, Gennady S., Devyatko, Inna F. (1993) "The Soviet Philosophical Community in the Forties: Why Was the Third Volume of the *History of Philosophy* banned?", *Vestnik rossiiskoi akademii nauk*, Vol. 63, No. 7, pp. 628–639 (in Russian).
- Guseinov, Abdusalam A. (2020) "Philosophy of the Sixties as a Social Phenomenon", Guseinov, Abdusalam A., *Ethics and Culture*, SPbGUP, Saint Petersburg, pp. 176–195 (in Russian).
- Guseinov, Abdusalam A. (2021) "Philosophy and Society: on the Centenary of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (1921–2021)", *Vestnik RAN*, Vol. 8, pp. 79–92 (in Russian).
- Günter, Ursula (2017) "Mohammed Arkoun: Towards A Radical Rethinking of Islamic Thought", *Islamic Thought: Tradition and Modernity*, Vol. 2, pp. 98–139 (Russian Translation).
- Al-Jabiri (2009) *Bunyat al-'aql al-'arabi: dirasa tahliliyya naqdiyya li-nuzum al-ma'rifa fi al-thaqafa al-'arabiyya* (The Structure of the Arabic Mind: A Critical-Analytical Study of the Epistems of Arabic Culture), 9th ed, Markaz dirasat al-wahda al-'arabiyya, Bayrut (in Arabic).
- Jullien, François (1995) *Le Détour et l'Accès. Stratégies du sens en Chine, en Grèce*, Grasset, Paris (Russian Translation 2001).
- Korsakov, Sergei N. (2019) *Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR (1920–1950s): human and intellectual history*, Solemn meeting of the Academic Council of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, IP RAS, April 18, 2019, URL: https://iphras.ru/ucheni_soviet_18_04.htm (in Russian).
- Korsakov, Sergei N. (2009) "Formation of the Institute of Philosophy and the Fate of Philosophers under the Stalinist Regime", Gromov, Mikhail N., ed., *Our Philosophical House*, Progress-traditsiya, Moscow, pp. 95–195 (in Russian).
- Korsakov, Sergei N. (2010) "On the Original Project of The Encyclopaedia of Philosophy", *Filosofskii zhurnal*, Vol. 2, No. 5, pp. 122–148 (in Russian).
- Lektorsky, Vladislav A., ed. (1998) *Philosophy Does Not End... From the History of Russian Philosophy, XX Century*, in 2 Vols., ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Lektorsky, Vladislav A., ed. (2009–2010) *Russian Philosophy in the Second Half of the Twentieth Century*, Vol. 1–21, Politicheskaya entsiklopediya, Moscow (in Russian).
- Pruzhinin, Boris I., ed. (2012–2021) *Russian Philosophy in the First Half of the Twentieth Century*, Vol. 1–30, in progress, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow (in Russian).
- Smirnov, Andrei A., Sineokaya, Yuliya V., eds. (2020) *Philosophy in Plural*, Akademicheskii Proekt, Moscow, in progress (in Russian).

Сведения об авторах

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович – академик РАН, научный руководитель Института философии РАН.

СМИРНОВ Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, директор Института философии РАН.

Authors' Information

GUSEYNOV Abdusalam A. – Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Principal Adviser for Academic Affairs, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow).

SMIRNOV Andrey V. – DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Director, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow).